

Павел Шумов

ТОПТЫГИН
и Косолапова

Павел Сергеевич Шумов
Топтыгин и Косолапова

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29194712
SelfPub; 2018*

Аннотация

Медвежья сказка.

Тяжёлая капля талой воды сорвалась с набухшей почки на ветке и упала за шиворот. Как раз там, где кора слегка отошла от луба. В эту щель капля, по закону подлости, и попала, потекла вниз, по ложбинке на спине, прямо к щупальцам. Оставляя тонкую, холодную дорожку, от которой в обе стороны побежали пупырчатые мурашки. Хруст вздрогнул и проснулся. С вращением Земли не поспоришь – весна.

Хруст давно жил в этом лесу. Сначала он был молодым и красивым, статным и видным кедром. Орешек упал на границе медвежьих угодий, уцепился, пророс и потянулся к солнцу. Вырос на радость глаз и зубов бурундуков. Но мелюзгу с кедра прогнали медведи. Превратив его в «вестовой столб». Каждый бурый хозяин угодий оставлял на кедре свои отметки-задиры, тёрся о ствол спиной и боками, втирал в кору шерсть во время линьки, прыскал пахучей струёй. Каждый медведь знал, что, оставляя за спиной «вестовой кедр», он переходил из своей земли в соседские или наоборот – возвращался в свои. На чужой земле находился непрошенный гость на свой страх и риск, можно было и по морде медвежьей огрести, и не вправе был нарушитель плакать и реветь – граница, есть граница. Надо уважать.

Кедр живёт долго, дольше медведей, поэтому Хруст копил на себе отметки целых поколений косолапых семей: он был как большой медвежий фотоальбом. За годы общения с хозяевами леса, кедр пропитался их свободолобивым духом, и ожил. Ожив, с места, конечно, не сошёл, но активно общал-

ся со своей клиентурой: кого ветками прикроет после хулиганского нарушения границ, кого по крупу стеганёт, чтоб и в мыслях не было озорничать и к соседям ходить. На то он и пограничник, чтоб за всем следить.

Но потом пришли люди. Чем-то кедр им понравился, они походили вокруг, поцокали языками, а потом завели бензопилу и вонзили её жало в ствол. Кедр напрягся, закрипел, зажал клинок бензопилы в себе, но силы были не равны, массивный ствол потянулся к земле, тело кедра хрустнуло где-то около надреза и сломалось. Падая дерево наделало много шума, вспугнуло соек и сорок, и весь лес скоро знал о большой беде.

А на кедре с той поры отмечаться медведи не могли, ну как это сделаешь на огромном пне с высоким отщепом, торчащим из круглого спила? Про пограничный кедр звери потихоньку забыли, а пень стали звать Хрустом, в память о большом переполохе, хрусте и грохоте во время падения его ствола.

После спила живая сила из Хруста не ушла, но тяжёлый ствол уже не давил на корни. Не выдержав такого позора, Хруст распрямил корни, вырвал их из земли и пополз в самую чащу, сочась смолой и живицей, бормоча ругательные и обиженные слова про людей: Ну ладно бы шишки собирали – не жалко! Живицу там, на скипидар свой вонючий! Но так-то вот со мной зачем? Там, на стволе-то, про кого только памяти не было: и про Топтыгиных, и про Кривоногтевых,

про Косолаповых и Куцехвостых, а уж Малиновы, так каждый медвежёночек отмечался! Ну куда вот им мой ствол?!

Ругаясь он осторожно двигался к своему давнему другу – Топтыгину. Тот жил в берлоге в самой глуши, был уважаем и почитаем, огромен, силён и простоват. Но добр, за что и любим. У него то и остановился Хруст, к Топтыгинской берлоге боялись ходить даже самые опытные охотники и браконьеры. Так они вдвоём и зажили...

Хруст осторожно протянул корень в сторону завала из ветвей, который закрывал вход в Топтыгинскую берлогу. Просыпаться одному было скучно. Корень протиснулся в сыроватое тепло медвежьей ямы, нащупал мохнатый бок и аккуратно постучал по нему. Нет ответа. Корешок пошерудил по туше в поисках головы, отыскал ухо, залез вовнутрь, обхватил три самых толстых волоска и дёрнул. Берлога зарычала, замычала, заходила ходуном! Ветки зашевелились, сбрасывая остатки снега и талые капли вниз на медведя.

Фыркая, чертыхаясь и фырча-ворча Топтыгин встал во весь рост и раскидал завал. Хруст торопливо втянул корешок обратно и притворился, что ещё спит. Свось щелочку в коре он наблюдал за Топтыгиным.

Огромный, высоченный, но как любой медведь после спячки, худющий и потёртый, Топтыгин просыпался. Намокшая от капель шерсть висела сосульками, глаза ещё не открылись, вестибулярный аппарат не включился. Топтыгин

стоял, пошатываясь и приседая то в одну, то в другую сторону. Вдруг он заколотил лапами себе по ушам, замотал головой, поковырял ногтем в ухе, удивлённо стал рассматривать то, что достал, слизнул эту гадость и боязливо оглянулся: не видит ли кто?

Хруст зажмурил свои гляделки. Мишка захрустел валежником и пополз к нему.

– Вставай давай, старый пень! Весна, кажись – тюкнул лапой по коре Топтыгин.

Хруст раскрыл свои смотровые щели, сморщил кору на лицевой (бывшей южной) стороне. Раскинул во все стороны щупальца-корешки, коренья, корневища. Потянулся.

– Будь здоров, Топтыгин!

Топтыгин подошёл ко пню и бережно смахнул остатки снега и прелых талых листьев с макушки на землю.

– Всё лучше ты, Хруст, с каждой весной, вон, мох изумрудный на тебе нарастает. Лепота!

– Да, нехай с ним, с мохом, лишь бы опята не добрались до меня, эти шустро к гнилушкам зелёным спровадят. Как спалось, Потапыч?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.